

Лу Це был крайне ошеломлён появлением Фу Чэнцы. Увидев, что прибывший покрыт пылью дальнего пути, но мороз и ветер не смогли скрыть его благородные черты лица, он улыбнулся ему издалека:

— Полагаю, вы и есть Князь Цзянбэй?

Лу Юй с тёплой улыбкой сказал:

— Сяоци, это тот самый Князь Цзянбэй, которого ты так сильно считаешь. Ацы, это мой седьмой брат, Лу Це.

Фу Чэнцы тоже пришёл в себя после серии неуместных реакций. Сложив руки, с прямыми и длинными ногами, согнув спину, он совершил глубокий поклон:

— Ваш слуга приветствует седьмого принца.

Но Лу Це уже смотрел не на него, а перевёл взгляд на шахматную доску, за которой играл Лу Юй, и невольно на его лице отразилась затруднительная ситуация:

— Безвыходное положение, этот раунд я проиграл.

Эти слова прозвучали весьма колко для ушей Фу Чэнцы. Он поднял взгляд, изучающе глядя на собеседника, но тот по-прежнему оставался невозмутимым.

Шахматная партия перед двумя братьями была полна противостояния, скрытого течения и брожения.

Лу Юй улыбнулся:

— Ты ещё молод, ошибиться в выборе пути — дело неизбежное. В следующий раз будь внимательнее.

Лу Це мигнул своими прекрасными глазами-персиками и спросил с недоумением:

— Братец-наследник имеет в виду, что ход седьмого брата по возвращении в страну был ошибочным? Или же ошибочным был шаг, когда я сегодня, спасая себя, раскрыл личность и сам пришёл сюда?

Лу Юй запнулся, улыбка застыла на его лице:

— Ошибка началась с момента, когда была сделана первая ставка.

Тонкими белыми пальцами он поднял принадлежащую ему белую фигуру с доски. Внезапно доска была опрокинута чьей-то рукой. Лу Це с холодным лицом сказал:

— Если с самого начала всё было ошибкой, то не стоит и оставлять.

Лу Юй повторил эти слова про себя, его улыбка стала подобна весеннему ветру, изящной и тёплой:

— Осознать ошибку и исправить её — величайшая заслуга. Следующий ход можно сделать хорошо, и это тоже может вернуть к жизни. Всё зависит от того, как седьмой брат сделает свой ход.

Лу Це с неясным намёком искоса взглянул на стоящего рядом Фу Чэнцы и усмехнулся:

— Неужели?

* * *

В тот же вечер вся группа остановилась на ночлег в усадьбе Цзи.

Усадьба Цзи была построена очень большой, с извилистыми галереями и множеством отдельных дворов. Двор Лу Це примыкал ко двору Фу Чэнцы, между ними была только арочная веерообразная калитка для прохода людей.

Когда Лу Це пришёл туда, Фу Чэнцы как раз в саду протирал меч. На маленьком столе стоял кувшин для вина с круглым горлышком. При серебристо-сером свете луны мужчина с мужественными бровями и звёздными глазами, с благородными и красивыми чертами лица.

— Ваша светлость, пьющий в одиночестве при луне, какая прекрасная беззаботность, — с усмешкой в голосе прервал его Лу Це.

На лице Фу Чэнцы была не скрываемая досада, внутренний беспричинный гнев не находил выхода, и при виде Лу Це злость поднялась к горлу. Он резко встал, положил длинный меч, который держал в руках, и хотел уйти.

Но в следующий момент его запястье сжалось. Он обернулся и пристально посмотрел на Лу Це, в его глазах была не скрываемая ледяная холодность.

Раздался протяжный голос:

— Куда так спешишь?

Перемещая взгляд с крепкого предплечья на его кисть, а затем на гладкую поверхность стола, выражение лица Лу Це оставалось спокойным и невозмутимым.

— В конце концов, я прислуживал тебе целый год, прошёл через жизнь и смерть. Хотя бы одну чашу этого вина можно выпить?

Он особо усилил слово «прислуживал», подняв бокал и глядя прямо в глаза Фу Чэнцы. Его спокойные глаза встретились с глубоким, тёмным и холодным омутом, а улыбка на лице по-прежнему была лёгкой и безмятежной.

В следующую секунду бокал в его руке был выхвачен, ладонь внезапно опустела, и тут же холодные губы плотно прижались к его губам, без малейшего зазора.

Талия была охвачена крепкими руками, зубы были грубо разомкнуты, резкое вино смешалось со слюной и перешло изо рта другого. Оглушительный хмель словно вернул его на год назад, когда он прятался в бочке с вином, покидая город.

Он хотел укусить тот своевольный мягкий язык, захватывавший крепость, но стоило ему только пошевелиться, как другая рука перемещалась к поясничным позвонкам за его спиной, вызывая дрожь.

Лу Це чувствовал, что его почти раздавят в объятиях Фу Чэнцы. Неизвестно когда Фу Чэнцы отпустил его талию.

Оба они опирались на каменный стол перед собой, дыхание было неровным.

Лу Це высунул кончик языка, лизнул распухший уголок рта и посмотрел на Фу Чэнцы, который тоже тяжело дышал, с покрасневшими уголками глаз, влажными глазами, вызывающими жалость.

Почти не думая, Фу Чэнцы поднял руку и коснулся уголка глаза другого, точно нажав на красноватый кончик.

— В следующий раз ещё посмеешь? — спросил его Фу Чэнцы, сдерживаясь.

— Посмею!

Лу Це улыбнулся, сверкнув глазами. Его светящиеся глаза были подобны звёздам, рассыпанным повсюду.

Краем глаза он заметил человека. Его улыбка быстро исчезла, при внимательном рассмотрении можно было увидеть, что он встал несколько скованно. Его взгляд прошёл через плечо Фу Чэнцы и застыл позади него.

Фу Чэнцы тоже почувствовал лёгкое движение за спиной, обернулся и увидел, что лицо Лу Юя было несколько разбитым. В его сердце вспыхнула паника, и он пробормотал:

— Ваше высочество...

Увидев, что Лу Юй даже не удостоил его взглядом, развернулся и ушёл, Фу Чэнцы мгновенно забеспокоился, громко крикнув:

— Ваше высочество, выслушайте мои объяснения...

— Эй! — Лу Це хотел окликнуть его, но тот уже бросился в погоню.

Он поднял с земли оброненную кисть для меча, внезапно фыркнул, засмеялся, схватился за живот, опустился на землю вдоль каменного стола, и его смех становился всё громче:

— Ха-ха-ха-ха-ха-ха!

Пока глаза не застилали слёзы, и, казалось, он не собирался на этом останавливаться.

Жуткий смех превратился в тихую всхлипывающую икоту. Глядя на исчезающую спину, он показал самодовольную улыбку. Когда кислый привкус в носу прошёл, он, положив руки под голову, пошёл в свой двор.

На следующий день, проснувшись, они столкнулись друг с другом у арочной калитки между дворами.

Лу Це, выспавшись, чувствовал себя свежим и бодрым, только под глазами всё ещё виднелись лёгкие синяки, но его изысканные черты лица, сверкающие глаза, изогнутые дугой брови и приподнятые уголки глаз были невероятно соблазнительны.

В отличие от него, у Фу Чэнцы лицо было не просто неприятным, в его сонных глазах была краснота, это была не скрываемая унылость.

Лу Це подошёл, внимательно осмотрел его лицо и усмехнулся:

— После того как ты побежал вслед, братец-наследник не стал слушать твои извинения? Или ты говорил, а он не слушал?

Фу Чэнцы не ответил.

Не получив ответа, Лу Це тоже не рассердился. Он довольно опытным тоном сказал:

— Как ты объяснял? Расскажи, послушаю, возможно, смогу помочь тебе что-то посоветовать.

— Не нужно.

— Правда не нужно?

— Я сказал, не нужно!

Лу Це скрестил руки и тихо цыкнул:

— А ты не боишься, что я, рассердившись, тоже убегу?

Это была всего лишь шуточная дразнилка, но он не ожидал, что Фу Чэнцы может дать такой ранящий ответ.

Он холодно произнёс:

— Если ты хочешь бежать, то только не в Великую Чу, чтобы не создавать лишних хлопот.

— Да?.. — Вся кровь в теле Лу Це словно застыла, лицо окаменело. Он прокрутил эти слова у себя во рту, и какой бы вывод он ни сделал, этого было достаточно, чтобы задушить его.

Так они и простояли во дворе в безвыходном положении, пока Цзи Цяо не прислал человека позвать их, и этот тупик не был разрушен.

Они пошли один за другим в главный зал. Все уже видели Фу Чэнцы.

В этот момент они проявили огромное любопытство к несколько более низкому Лу Це, идущему позади него. Заложник, отправленный в четырнадцать лет, семь лет спустя тайно сбежавший обратно в свою страну, но через год Великая Чжоу пошла на такие огромные хлопоты, чтобы обменять его обратно.

Такие действия просто непостижимы.

Но когда они коснулись взглядом лицо юноши, все невольно ахнули.

У стоявшего перед ними юноши были чёткие линии скул, несколько похожие на наследника Лу Юя, но, подняв взгляд к уголкам его глаз, можно было увидеть соблазнительную прелесть, которая не казалась слабой или пошлой, а имела особое очарование и красоту.

Сводящую с ума.

Лу Це сел рядом с Лу Юем, его ленивое и небрежное поведение в сочетании с внешностью выглядело удивительно гармонично и привлекательно.

Усадьба Цзи явно превратилась в место для приёма гостей. В зале сидели все чиновники Линьчжана, а также военные с офицерскими званиями из армии Гуаньдуна.

Словно предметом обсуждения присутствующих был не он сам, взгляд Лу Це время от времени падал на Фу Чэнцы, внутренний смысл был прямолинейным и явным, без всякого прикрытия.

Тот, на кого смотрели, не проявил ни малейшей реакции, зато Лу Юй время от времени, пользуясь возможностью попить чая, прикрывал лицо полуподнятым рукавом и бросал на него предостерегающий взгляд.

Все в зале говорили без умолку, жарко обсуждая.

В отличие от них, самый важный человек не произносил ни слова, витая в облаках.

В конце концов, дело было решено: через три дня отправить Лу Це в Великую Чжоу.

Когда все разошлись, Лу Це тоже собрался уйти вместе с остальными, но едва он переступил порог двора, как его запястье было схвачено, и оно оказалось в руке другого, немного колючее.

Он обернулся и с недоумением взглянул на Фу Чэнцы:

— М-м?

Большой шаг к поцелую, маленький шаг к разблокировке чувств, большой шаг к завоеванию сердца жены.

Благодарю за прочтение.

<http://bllate.org/book/15603/1392805>